

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Павловская

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья продолжает тему, начатую в предыдущем номере, касательно необходимости пересмотра подходов к проблемам межкультурного общения в глобальном мире. Теперь речь идет о конкретных вопросах, связанных с проблемами межкультурной коммуникации в международном образовании, а еще точнее, с проблемами обучения студентов из Китая, приезжающих учиться в Россию. Поток их все растет, с ним растут и проблемы, касающиеся как преподавателей, столкнувшихся с новыми задачами, так и студентов, оказавшихся в новой среде, к существованию в которой они чаще всего бывают не подготовлены. Речь идет не о преподавателях русского как иностранного, получивших специальное образование и имеющих большой опыт в работе с иностранцами, а о тех специалистах, кто ведет свой предмет – от физиков до лириков – иностранной группе, не имея при этом специальной подготовки. И таких теперь большинство. К сожалению, знания двух соседних народов друг о друге довольно ограничены. Преподаватели, чаще всего, не учитывают ни особенности системы образования в Китае, ни традиции общения между учеником и учителем, ни менталитет. В свою очередь, студенты приезжают учиться в Россию, будучи практически незнакомы с особенностями жизни, обучения и общения в этой стране. В статье рассматриваются конкретные ситуации конфликта культур в учебной аудитории и предлагаются возможные варианты выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: международное образование; межкультурная коммуникация; русско-китайские отношения; национальные менталитеты; традиции образования; адаптация; иностранные студенты; конфликт культур.

Сегодня вопросы взаимодействия России с все более активизирующимися во внешнем мире народами восточной Азии, в первую

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: annapavl@mail.ru).

очередь с Китаем, вышли на новый уровень. В последние годы российские университеты столкнулись со значительным увеличением числа китайских студентов. Процесс этот стремителен и пока еще, по прогнозам, не достиг своего пика. Согласно правительственным данным, число граждан Китая, обучающихся в России за шесть лет, увеличилось вдвое и на сегодняшний день составляет около 30 тыс. человек. Есть и встреченный процесс, неуклонно растет число российских учащихся в китайских вузах, оно достигло 18 тыс.¹

Российские вузы имеют давнюю историю работы с иностранными студентами вообще, а с китайскими в частности. Однако столь значительный поток учащихся оказался серьезным испытанием для многих из них, так же, как и для студентов. Речь идет о культурном взаимодействии на самом разном уровне – от учебной аудитории до выездной практики, от жизни в общежитии до похода в магазин.

Ситуация складывается парадоксальная. Во всем мире китайские студенты и стажеры знамениты своей трудоспособностью, упорством, ответственным отношением к делу. В 1995 г. я получила грант на проведение научной работы в Amherst College (Massachusetts), победителей было трое, кроме меня историк англичанин и химик китаец. На последнем все полгода держалась целая лаборатория: он уходил на работу в 6 утра и возвращался в 12. Как оказалось, он выращивал какой-то особенный кристалл, который кроме него никто не мог вырастить. Мне объяснили, что американские сотрудники лаборатории имеют жестко ограниченный законодательством рабочий день, обязательные перерывы на еду, чай, кофе, не говоря уже о библиотечных днях, отпусках и т.д. А кристалл нуждался в постоянном внимании. Только китайский стажер, со своим упорством, трудолюбием, пренебрежением к личному времени, ответственностью за порученное дело смог завершить важную работу.

В нашей же стране на сегодняшний день китайские студенты успели приобрести репутацию хитрецов и прогульщиков, пропускающих занятия, не выполняющих задания и недобросовестно относящихся к своим обязанностям. В прессе встречаются объяснения, что в Россию де едут те, кого можно назвать «четвертой» волной китайских учащихся: первая едет в Великобританию и другие европейские страны, вторая в США, третья в Австралию и лишь четвертая к нам. Однако теоретически это ничуть не объясняет ситуацию, поскольку выбор скорее связан с финансовыми возможностями учащихся, а не с их потенциальными способностями.

¹ «Голикова сообщила о росте числа китайских студентов в России». РИА новости, 13 июня 2018. URL: <https://ria.ru/20180613/1522613954.html> (дата обращения: 07.10. 2019).

Другое дело, что университеты вышеперечисленных стран требуют для поступления определенный уровень владения английским языком, подтвержденный международными экзаменами, в то время как мы довольствуемся внутренними вступительными испытаниями в вузах.

В чем же кроется причина трудностей, с которыми столкнулись и российские преподаватели², и китайские студенты.

Начнем с того, что можно назвать социально-психологическими причинами. Речь идет о сложностях идентификации и самоидентификации, отсутствии знаний о характере и образе жизни народов, вступающих в общение. Это рождает непонимание, отчуждение, чувство неуверенности, даже страх, тормозит работу и нормальное общение. На первый взгляд, мы много знаем о Китае и китайцах, кажется, больше, чем о других народах. Мы помним, что мы соседи, что исторически мы были связаны торговыми узами, а в отдельные периоды XX в. были близкими друзьями и союзниками, противостояли мировому империализму. По сути, все это сводится для многих представителей старшего поколения к воспоминаниям о китайских термосах, которые бережно хранились в советских семьях и к тому, что «русский с китайцем братья навек». Песня была задорная и сейчас слушается с удовольствием.

Однако если мы копнем немного глубже, окажется, что мы крайне мало знаем о своем «младшем» и таком многочисленном брате. За долгую историю государства российского мы прошли через духовное единение с Византией, культурное взаимодействие с Италией, преклонение перед Германией, восхищение Англией, подражание Франции, копирование американского образа жизни. Запад вообще, и Европа в особенности, давно стали «своими», близкими и понятными для русского человека. Это не исключает проблем непонимания и межкультурных конфликтов, но, в сущности, западный мир близок и понятен нам, связан с нашим миром кровными узами, многое из него мы переняли и адаптировали на русской почве, кое-что попробовали и отвергли.

С Китаем ситуация совершенно другая. Относительно близкие отношения начинаются только с XVII в., хотя смутные знания друг о друге были, конечно, и до этого. Более того, начиная с XVIII в. понятие «иностранец» все больше связывается с представителями западного мира (до этого периода оно было шире, включало ино-

² Подчеркну, что речь не идет о преподавателях русского как иностранного, профессионалах в области обучения иностранных учащихся, а об огромной массе работников высшей школы, только недавно столкнувшихся с массовым присутствием на своих лекциях и семинарах иностранных студентов из восточной Азии.

верцев, инородцев, иноземцев, варваров³). А вот уже фразы подобно следующей, из ежемесячного издания XVIII в. «Зритель», «Большой свет у нас более иностранной нежели Руской», могут относиться исключительно к европейской теме⁴.

Китайцы же были в сознании русского человека экзотикой, диковинкой, пришельцами из иного мира. Купеческая дочь Екатерина Андреева (впоследствии жена поэта Константина Бальмонта) в своих мемуарах вспоминала о том, как ее отец, богатый купец, принимал у себя в Москве своих торговых партнеров: «Иногда мы видели у отца настоящих живых китайцев с длинными косами в шелковых кофтах, расшитых птицами, цветами, драконами, в мягкой обуви на белых войлочных подошвах. Они пили и угощали отца своим чаем из крошечных тончайшего фарфора чашечек. Здраваясь с нами, они щурили свои узенькие глазки, оскаливали желтые зубы, что, верно, изображало улыбку, прикасались своими сухенькими ручками с длиннейшими ногтями к нашим ладоням. Я их страшно боялась...»⁵ Это были персонажи из сказочного, а не реального мира.

В первой половине XX в., после революции, общение с китайцами становится более тесным. Они принимают участие в гражданской войне, держат в столичных городах знаменитые прачечные во время НЭПа, становятся персонажами произведений М. Булгакова, В. Вересаева, революционных повестей вроде «Красных дьяволят» (в первой экранизации 1923 г. китаец был заменен на чернокожего мальчика, а в знаменитом фильме Неуловимые мстители 1967 г. и вовсе стал цыганом). Однако и в этот период, и во время близких отношений с Китаем, на уровне массового восприятия образ китайца в СССР остается весьма смутным и расплывчатым. Как говорит один и персонажей сказки Маршака (1922): «В Китае? Это там, где у людей косые глаза и длинные косы?»⁶ Собственно, к этому и сводились все представления о далеком брате, становившемся иногда в зависимости от исторического периода далеким врагом.

И сейчас, когда говоришь о том, что будут занятия с иностранцами, для многих это означает с французами или итальянцами, после разъяснения же слышишь слегка разочарованное «а, с китайцами».

Знания россиян о Китае лишены привычных для нашей страны источников информации, по которым даже те, кто никогда не покидал родного города, знают многие европейские страны. Например,

³ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 1. СПб., 1890–1912. 1993.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. Л., 1984. С. 99.

⁵ Московский альбом. М., 1997. С. 63.

⁶ Маршак С.Я. Волшебная палочка. М., 1968. С. 4.

художественной литературы, по которой мы знаем Францию Дюма и Ремарка, или музыки, делающей нам понятным британский мир Битлз и Queen, или киноиндустрии, открывшей нам американскую, индийскую и бразильскую жизнь. Даже Интернет в Китае другой, без привычных нам Википедии, Гугла, Ютуба, Инстаграма, Ватсапа и многого другого, что заблокировано в стране по политическим соображениям. Это же влияет и на распространение знаний о России в Китае. Даже те, кто изучают русский язык, делают это, как правило, по старым учебникам, добротным с точки зрения методики преподавания иностранного языка, но устаревшим с культурологической точки зрения. К тому же традиционно в преподавании РКИ приоритетным является изучение классической русской литературы, прекрасной с художественной точки зрения, но мало что дающей для понимания современного мира и людей.

Для эффективного общения и работы с китайскими учащимися необходимо познакомиться хотя бы с основами китайской культуры и менталитета. Это необходимо не просто для общего образования, это залог успеха. Тема эта большая и отдельная. Она не слишком хорошо представлена в отечественной литературе, в которой за последние десятилетия появился неплохой набор трудов, в том числе и переводных, об итальянском, британском, французском и других характерах, из восточноазиатской темы лучше всего представлены японцы. Информация же о китайцах крайне скудна и чаще всего сводится к весьма примитивным и не слишком достоверным данным на туристических сайтах.

Несмотря на огромные перемены, которые происходят сегодня в китайском обществе, стремительную глобализацию многих сторон культуры, особенно в молодежной среде, проникновение западных традиций и образа жизни, которые постепенно, как и в других регионах мира, становятся и здесь символом «цивилизации», базовые особенности национального характера и мировосприятия остаются неизменными. Как написал один известный ученый, «глобализированные» китайцы «остаются китайцами и в собственных глазах, и в глазах окружающих». Более того, социологические исследования, проведенные на Тайване, который исторически был в большей степени подвержен влиянию Запада, показывают, что тайванцы более преданы традиционным ценностям и нормам жизни, чем жители КНР [Малявин, 2007: 16]. Очень многое в поведении китайцев, как и других народов мира, регулируется исторически сложившейся традицией, в определенной степени сформировавшей менталитет и характер народа.

Приверженность традиционным ценностям, изолирующая от окружающего мира система иероглифов, мировоззрение, сформирова-

рованное многовековым развитием философской мысли, а также общее историческое развитие Китая определили одну из важнейших особенностей китайской культуры – ее закрытость, причем обоюдоострую. С одной стороны, это недопущение чужестранцев в свой мир, стремление сохранить для себя все богатство своего мира и культуры. Одна из исторических загадок: почему чай, изначально привозимый в Европу из Китая, был черный, в то время как вся страна пила и пьет зеленый? Такое впечатление, что китайцы сознательно «испортили» для продажи одно из своих главных сокровищ. С другой стороны, и чужой мир отторгается, а находясь в нем, китайцы замыкаются в своем мирке, сохраняя в нем привычные ритуалы и тип общения. Это, безусловно, осложняет процесс обучения в иностранном вузе.

Известно, что для китайцев чрезвычайно важны межличностные отношения, отношения в социуме, мнение окружающих. Однако все это относится только к «своим»: поведению китайцев свойствен контраст между в высшей степени вежливым, обходительным обращением со «своими» людьми и холодно-безучастным, а часто откровенно враждебным отношением к «чужим» [Малявин, 2007: 25]. Гонконгский социолог Сунь Лунци говорит об отсутствии в Китае «публичной добродетели» и «непросвещенном эгоизме» китайцев. «Можно сказать, – заключает Сунь Лунци, – что с самого рождения китаец вовлечен в сеть межличностных отношений, которая определяет и организует его существование, контролирует его сознание. Когда китайский индивид не находится под контролем сознания окружающих, он становится самым эгоистичным из людей, живёт совершенно беспорядочно и втягивает в этот беспорядок других» [Малявин, 2007: 26]. Не отсюда ли не укладывающееся в рамки традиционных представлений поведение китайских студентов, оказавшихся в чуждом им окружении.

Важными представляются и знания о таких, казалось бы, незначительных для учебы вопросах, как особенности быта и ритма жизни китайцев. В противном случае российским преподавателям трудно понять, почему студенты не хотят приходить на дополнительное занятие в шесть часов, ссылаясь на необходимость ужина в это время. Для россиян время приема пищи не имеет особенного значения, есть время – и поел, а для китайцев оно очень важно, структурирует день, настраивает на определенный ритм, дает силы. Жалуются китайские студенты и на отсутствие длительного обеденного перерыва, который студенты у себя на родине используют не только для приема пищи, но и для отдыха, его отсутствие ведет к рассеянности во время занятий, появлению чувства усталости, снижению успеваемости [Сяопэн, 2017: 156]. Подобных моментов

взаимного непонимания много, они отражаются на учебном процессе и касаются отнюдь не только вопросов питания.

Безусловно, речь не идет о том, что каждый работающий с китайскими студентами преподаватель должен получить второе образование по синологии. Однако иметь представление о неких базовых аспектах жизни и менталитета учеников, хотя бы в конкретно-прикладном ракурсе, о том, что может затрагивать учебный процесс и общение в аудитории, просто необходимо. Это же относится и к студентам, которые помимо изучения русского языка должны обязательно проходить адаптационный курс, своего рода введения в русскую жизнь и систему образования.

Европейская модель образования, привычная нам с XVIII в., проникла в Китай только в XX в., да и то фрагментарно, а во всей полноте лишь с началом нового этапа модернизации общества в последние десятилетия. В написанной почти сто лет назад книге китайского писателя и философа Линь Юйтана «Китайцы: моя страна и мой народ» еще отчетливо прослеживается традиционное отношение к образованию. Ученый отмечает различие между китайским и европейским подходом к образованию. И западные, и китайские профессора весьма преданы своим знаниям. Но если преданность первых впечатляет сильнее, хотя порой и «приобретает черты болезненного любования своим предметом», уважение китайцев к образованному человеку имеет другой источник. Уважают именно такую образованность, которая «позволяет людям расширить и углубить понимание мира, питает их житейскую мудрость, позволяет трезво смотреть на вещи в критические моменты жизни».

Не было в Китае и науки в западном понимании этого слова, за исключением филологии и истории. «Астрономия... очень близка астрологии, а зоология и ботаника весьма близки кулинарии, так как все животные, фрукты и овощи пригодны к употреблению в пищу», остроумно замечает Линь Юйтан, намекая на китайский практицизм.

Раньше в учебных заведениях господствовала система наставничества, когда учитель точно знал, что прочитал ученик, а что нет, «отношения учителя и ученика были очень тесными и доверительными». Не было оценок, сроков выполнения заданий, никто не переходил из класса в класс, не учился ради диплома. Иное дело – официальный экзамен для получения ученой степени, открывавший путь к государственной карьере чиновника, высшему стремлению китайцев во все времена. Но это стояло особняком, не было связано с «ученостью» и со знаниями.

Восхваляя старую традиционную китайскую систему даже не образования, а скорее, накопления знаний, философ иронизирует

над новой для страны – западной: «... прежде никто не верил или пытался кого-то убедить, что благодаря накоплению баллов-очков по психологии, религии, способам реализации товаров, конституционной истории Англии и другим предметам можно воспитать образованного человека» [Юйтан, 1994: 84, 211, 216].

Конечно, за сто лет многое изменилось, Китай сделал огромный рывок в развитии научного знания, реформировал по западному образцу систему образования, сегодня кампус китайского университета не отличишь от американского, было взято лучшее и привито на свою почву. Однако менталитет и отношение к основам жизни, подпитываемое ритуалом и религиозно-философскими установками, меняются крайне медленно. И, возможно, это не является недостатком, а позволяет сохранить в глобальном мире хоть каплю национальной самобытности.

В связи с этим важными представляется и изучение различий в системах образования двух стран, которые крайне редко учитываются при построении учебного процесса. Их множество, и они затрагивают самые разные стороны образовательного процесса. Например, общение преподаватель-ученик. В Китае с детства воспитывают уважение к учителю, он всегда прав, ему надо внимать и с ним надо соглашаться. Российская система дискуссий, споров, обсуждений, не принимается китайскими студентами, создает чувство растерянности. «Кто знает – молчит (не спорит), а кто не знает – говорит (спорит, доказывает)» изречение древнекитайского философа Лао Цзы, ставшее поговоркой, хорошо раскрывает суть проблемы. И хотя в русском языке есть нечто похожее – «слово серебро, молчание золото» – возможно, справедливое как народная мудрость, но не относящееся к «говорливой» образовательной среде. Преподаватели чаще всего теряют интерес к такой аудитории и жалуются на пассивность студентов.

Накопление знаний в китайском образовании идет постепенно, нанизывается одно на другое. Российские преподаватели любят отклоняться от предмета, выстраивать доводы и контрдоводы, ставить под сомнение общепринятые истины, требовать от студентов попытаться самостоятельно решить сложные вопросы. Все это сбивает с толку иностранных учащихся.

Истоки подобного отношения кроются и в особенностях китайской логики, основанной на их представлениях об истине. «С точки зрения китайцев, истину нельзя доказать, ее можно только лишь внушить», – писал Линь Юйтан. Здесь обнаруживается противостояние логики и здравого смысла, который в Китае заменил и индукцию, и дедукцию. Аналитический подход делит истину на составные части, для нахождения аргументов, в результате истина

теряет внутренние связи и содержание. Философ отмечает свойственную китайцам «мистическую силу доверия к словам» [Юйтан, 1994: 96–98].

Неудивительно, что целью обучения считалось просто запоминание как можно большей части непреложных «истин»: ученики аккуратно записывали и запоминали слова учителя, а потом передавали их собственным ученикам. В старом Китае занятие наукой и сводилось преимущественно к прочтению и запоминанию наизусть огромного числа произведений. Для этого требовались неимоверные усилия, невероятная усидчивость и необыкновенная память. Некоторые ученые могли от начала до конца пересказать наизусть знаменитый труд Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки»), составленный в II–I в. до н.э. Этот грандиозный труд, описывающий историю Китая от мифических родоначальников до современных автору времен, состоит из 130 обширных глав! [Юйтан, 1994: 212]

В китайской традиции передача знания связывается с письменным словом, даже скорее начертанием. Чтение книг и письменные ответы, а тем более экзамены, преобладают. В России исторически, еще со времени открытия первых университетов, в образовании царствует устная речь: увлекательные лекции, научные споры, горячие дискуссии, – вот на чем держится российское образование. Реформы, переведшие основные экзамены в письменную форму, не находят поддержки у преподавателей: всегда можно списать, случайно угадать, во время же устного экзамена любой мало-мальски опытный педагог определяет уровень знаний учащегося. Доверия к «бумажкам» на Руси не было никогда и ни в каких сферах. Забавный пример из истории: во время конфликта между основателями Московского художественного театра и их главным «спонсором» купцом Саввой Морозовым, знаменитый режиссер В.И. Немирович-Данченко потребовал заключения письменных условий с Морозовым, ограничивающих степень его вмешательства в жизнь театра. К.С. Станиславский, сам купец по происхождению, был против: «Не советую и Вам делать это, так как знаю по практике, что такие условия ведут только к ссоре. Если два лица, движимые одной общей целью, не могут столкнуться на словах, то чему же может помочь тут бумага?»⁷ Вот образец русского отношения к письменным документам.

Китайцам свойственна сдержанность в выражении чувств. Во время разговора они стараются сохранять неподвижным положение лица и тела, сидят прямо, почти не шевелятся. Китайцы избегают смотреть прямо на собеседника, потому что, по их представлениям,

⁷ Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1960. С. 109.

так делают только враги или ненавидящие друг друга люди. Во время разговора с преподавателем у них практически отсутствуют движения и мимика, немного двигаются только губы, а голос приближен к шепоту. Очень громкий разговор считается недопустимым. На часто задаваемый в аудитории вопрос «понятно?», китайцы, согласно этикету, всегда отвечают «да», кивают согласно головой [Афонасенко, 2017; Сяопэн, 2017]. Российские же преподаватели принимают такое поведение за равнодушие и отсутствие интереса к предмету.

Причины подобного поведения также скрыты в характере и традициях поведения китайцев. Главное понятие китайской этики – это «лицо», понятие, которое трудно определить словами. Это образ человека в глазах окружающего социума, общественный статус и одновременно имидж, главное здесь – мнение окружающих и производимое на них впечатление. Это – чувство собственного достоинства и достоинства других, причем опора делается опять же не столько на содержание, сколько на форму, как ты или кто-то еще выглядит со стороны. Потеря лица – гораздо больше, чем позор в русском понимании этого слова, в русской культуре унижение часто вызывает сочувствие, сострадание, участие. В Китае потерянное лицо почти невозможно восстановить.

«Хороший человек не спорит, а тот, кто спорит, – не хороший человек», – гласит изречение из даосского канона “Дао-Дэ цзин”. В связи с этим немалая часть поведения китайцев до сих пор преследует цель подтвердить и сохранить “лицо” – как собственное, так и окружающих людей. Главное средство достижения этой цели – избегание любых конфликтов пусть даже ценой неискренности и лжи в общении с другими. Доведенная до карикатурной крайности, но не совсем безосновательная критическая точка зрения на общество, ценящее превыше всего “лицо” своих членов, представлена в отзыве нонконформистского мыслителя XVI в. Ли Чжи о современных ему нравах: “Лжец лжет лжецу, и оба довольны” [Малявин, 2007: 24].

Почитание преподавателя сопровождается у китайцев установлением с ним близких отношений, совместными обедами, приглашением в гости, тесным общением вне аудитории. Отношения же российских преподавателей со своими студентами более дистанцированы и ограничиваются временем, проведенным в стенах вуза, что создает заметный дискомфорт у китайских учащихся, особенно в первое время обучения. В трудах, посвященных проблемам адаптации китайских студентов в российских вузах, часто встречается предложение о введении института «тьюторства» для них.

Приезжающие в Россию студенты вынуждены самостоятельно преодолевать трудности вхождения в инокультурную среду, не имея серьезной профессиональной поддержки и помощи. Конечно, часто работает личностный фактор. Всегда и везде есть отдельные энтузиасты, которые не жалеют сил и времени, помогая иностранным студентам адаптироваться в чуждой для них обстановке. Но речь должна идти о выработке общих *профессионально подготовленных* систем, принципов и разработок, направленных на облегчение адаптационного периода. При этом не универсальных, а конкретно ориентированных, составленных в России (а не переведенных или пересказанных с английского, как у нас нередко бывает) для, скажем, студентов из Восточной Азии, или даже конкретно для китайских.

В заключение назовем несколько возможных направлений работы и принципов создания программ, направленных как на адаптацию иностранных студентов в российских вузах, так и призванных облегчить работу российских преподавателей, впервые сталкивающихся с китайской студенческой аудиторией.

1. Необходима разработка новых положений теории межкультурной коммуникации с учетом современной ситуации в глобальном мире, а также применительно к российским условиям. Выработка *своих* подходов к проблеме. В стране существуют труды по межкультурной коммуникации, созданные непосредственно на российской почве и отечественном материале, среди них выделяется книга С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация», посвященная проблемам «человеческого общения с особым вниманием к языку как главному – но не единственному! – средству общения» [Тер-Минасова, 2004: 4], или работа О.А. Леонтович, посвященная проблемам межкультурного взаимодействия России и США [Леонтович, 2003]. Однако они рассматривают отдельные аспекты межкультурной коммуникации, необходимо же создать широкую и системную основу межкультурной коммуникации.

2. Изучение теоретических и прикладных аспектов того, что можно назвать термином «национальный характер» или «регионоведение», определение параметров и факторов их формирования.

3. Введение единого экзамена по русскому языку для тех, кто хочет обучаться в российских вузах, аналог TOEFL. Это позволит снять одну из ключевых проблем, с которой сталкиваются в аудитории как российские преподаватели, так и иностранные студенты.

4. Разработка практических советов по адаптации студентов (туристов, бизнесменов, трудовых эмигрантов) к российской жизни, а также направленных на понимание российского менталитета (национального характера). Можно использовать западный опыт, где во многих странах выходят многочисленные разработки из серии

“Survival Guide” (букв. «Путеводитель для выживания») или скромный личный опыт: «Как иметь дело с русскими», «Как делать бизнес в России», “Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette” [Павловская, 2001, 1998; Pavlovskaya, 2011].

5. Введение в программы вузов, принимающих иностранных студентов, вводного адаптивного культурологического курса, посвященного практическим аспектам жизни и учебы в России, а также пониманию российского менталитета. Можно ввести институт тьюторства в рамках работы иностранных отделов или учебных частей факультетов.

6. Более широкое использование новых способов воздействия и информирования в первую очередь Интернет, социальные сети, с акцентом на визуальные средства, привлечение к работе учащейся российской молодежь, организация совместных мероприятий.

7. Чрезвычайно важным представляется использовать во время учебы студентов, на раннем этапе, своего рода метод «погружения» (хорошо известно, что иностранные студенты, особенно из азиатских регионов, часто держаться закрытой общиной, создавая свой микромир и мало контактируя с окружающей средой), путем организации целевых интерактивных экскурсий, выездных практик, мероприятий с участием российских студентов.

8. Для российских преподавателей предлагается организовать курсы повышения квалификации, в том числе и онлайн, посвященные особенностям работы со студентами из Восточной Азии, их образовательным традициям, менталитету, обычаям. Очень пригодится опыт преподавателей, давно работающих с данной аудиторией (в особенности, преподавателей русского как иностранного).

Безусловно, все вышесказанное важно и для других групп иностранных учащихся, акцентирование именно на «китайской проблеме» вызвано актуальностью момента, теми конкретными сложностями, с которыми столкнулись преподаватели вузов. Организация такого рода мероприятий должна поддерживаться на самом высоком уровне, от государственного до руководства вузов, что позволит значительно улучшить процесс обучения студентов, привлечь их к учебе в России, а в итоге способствовать взаимопониманию между странами и народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афонасенко Е.* Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. МГПУ. 2004. № 1. С. 131–143.
2. *Леонтович О.А.* Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
3. *Линь Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.
4. *Малявин В.* Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., 2007.

5. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими. М., 2001.
6. Павловская А.В. Как делать бизнес в России. М., 1998.
7. Сунь Сяопэн. Основные проблемы социокультурной адаптации студентов из Китайской народной республики в условиях российской системы высшего образования // Научно-педагогическое обозрение. Томск, 2017. № 1. С. 153–163.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
9. Hall E.T., Hall M.R. Understanding Cultural Differences. Intercultural Press, 1990.
10. Hirsch E.D. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Vintage Books, 1987.
11. Hirsch E.D. The Dictionary of Cultural Literacy. Houghton Mifflin, 1988.
12. Pavlovskaya A. Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette. Marshall Cavendish; 2nd edition, 2011.

Anna V. Pavlovskaya

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN INTERNATIONAL EDUCATION:
CONCERNING PROBLEMS OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper continues discussing the subject opened in a previous issue concerning the need to develop new approaches to the problems of intercultural communication under modern conditions. This time it is illustrated by the important issue based on the experience of Chinese students who study in Russian universities and Russian lecturers who teach Chinese students. The number of Chinese students is steadily growing and Russian educational organizations are not quite ready to deal with such a great number of pupils. And students, in their turn, are unprepared for integrating into an alien culture. Old theories of intercultural communication, formulated in the middle of the 20th century under specific historic conditions and for certain purposes, today are outdated. The necessity of working out new principles, methods and theories in the field of intercultural communication is being considered, as well as the great need for presenting practical information in various forms – the internet, manuals, introductory courses for adaption foreign students in Russian educational system and everyday life. Courses for Russian teachers working with students from China, telling about Chinese educational traditions, behavioral customs and mentality are also very important. Some other ways of solving the problems of integrating Chinese students into the Russian world are suggested.

Key words: international education; intercultural communication Russo-Chinese relations; national mentalities; traditions of education; adaptation; international students; conflict of cultures.

About the author: *Anna V. Pavlovskaya* – Dr.habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: annapavl@mail.ru).

REFERENCES

1. Afonasenko E. 2004. Osobennosti etnicheskogo samosoznaniya sovremennykh kitaytsev [Peculiarities of modern Chinese citizens' ethnic identities]. *Razvitiye lichnosti*. Moscow, MSPU Publishing, no. 1, pp. 131–143 (In Russ.)
2. Leontovich O.A. 2003. *Rossija i SShA. Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju*. [Russia and USA. Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd, Peremena Publishing. (In Russ.)
3. Lin Yutang. 2010. *Kitajcy: moja strana i moj narod* [My Country and My People]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publishing. (In Russ.)
4. Malyavin V. 2007. *Kitaj upravljaemyj. Staryj dobryj menedzhment* [China Managed. Good Old Management]. Moscow, Europe Publishing House. (In Russ.)
5. Pavlovskaya A.V. 2001. *Kak imet' delo s russkimi* [How to Deal with Russians]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
6. Pavlovskaya A.V. 1998. *Kak delat' biznes v Rossii* [How to do Business in Russia]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
7. Sun Xiapin. 2017. Osnovnye problemy sociokul'turnoj adaptacii [Main Sociocultural Adaptation Problems of Chinese Students In Russian System Of Higher Education]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, no.1, pp. 153–163. (In Russ.)
8. Ter-Minasova S.G.. 2004. *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
9. Hall E.T., Hall M.R. 1990. *Understanding Cultural Differences*. Intercultural Press.
10. Hirsch E.D. 1987. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Vintage Books.
11. Hirsch E.D. 1988. *The Dictionary of Cultural Literacy*. Houghton Mifflin Press.
12. Pavlovskaya A. 2011. *Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette*. Marshall Cavendish; 2nd edition.